

**ЯНУШ
КОРЧАК**

*Несерьезная
педагогика*

Санкт-Петербург

УДК 37.015.3
ББК 74.00
К 70

Janusz Korczak
PEDAGOGIKA ŻARTOBLIWA

Перевод с польского Ирины Адельгейм
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

© И. Е. Адельгейм, перевод, 2014, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-24906-6

*Моменты
воспитания*

Предварительные замечания

В основе медицины лежит искусство распознавания. Студент, обследуя пациента за пациентом, учится видеть, а подметив симптомы — объяснять их, связывать и делать выводы.

Если педагогика намерена двигаться по пути, проторенному медициной, ей следует выработать воспитательную диагностику, основанную на распознавании симптомов.

Улыбки, слезы, румянец для воспитателя — то же, что температура, кашель, рвота для врача. Любой симптом важен. Все следует записывать и продумывать — отбрасывать случайное, связывать родственное, искать закономерности. Не как требовать и чего требовать от ребенка, не как приказывать и запрещать — а чем он обделен и чем перегружен, в чем нуждается и что может дать.

Интернат и школа — поле для исследований, педагогическая клиника.

Почему один ученик, входя в класс, всюду сует нос, со всеми болтает и лишь звонок с трудом заставляет его усесться на свое место? А другой сразу идет к своей парте и даже на перемене неохотно ее покидает? Что это за личности, что должна дать им школа и чего может требовать взамен?

Почему один, когда его вызываешь отвечать, идет охотно, с поднятой головой и победной улыбкой, энер-

гично вытирает доску, пишет крупно и размашисто, сильно нажимая на мел? А другой нерешительно встает, откашливается, поправляет одежду, нога за ногу, потупившись, плетется к доске, вытирает ее, только если скажут, и пишет маленькими бледными буквами?..

Кто выбегает на перемене из класса первым, а кто — последним?

Кто часто тянет руку (знает, умеет, хочет ответить), кто — редко, а кто — никогда?

Если на уроке тихо, кто первым поднимает шум, а кто в общем гомене хранит молчание?

Кто (и почему) занял это, а не другое место на первой или на последней парте, рядом именно с этим одноклассником?

Почему одни возвращаются домой в одиночку, а другие — парами или гурьбой? Кто часто меняет друзей, кто хранит верность?

Почему дети не смеются там, где вроде бы должны, и почему хохочут, когда мы ждем, что они расчувствуются? Сколько раз ученики зевали во время первого и последнего урока? Им неинтересно — почему?

Вместо обид — мол, получилось вопреки нашим справедливым ожиданиям — объективное исследование: почему? Без него нет опыта, нет творчества, движения вперед — нет знания.

Эта брошюра — не образец подобного анализа, она — документ, свидетельство того, как трудно «сфотографировать» словами происходящее и насколько плодотворным может быть комментарий, даже ошибочный, к подмеченному и запечатленному на лету моменту — симптому индивидуальному (воспитанника) или коллективному (группы).

Лучшие педагоги начинают вести дневники, но вскоре бросают, ибо не владеют техникой ведения записей, не приобрели в училище твердой привычки

фиксировать свой труд. Слишком требовательные к себе, они утрачивают доверие к собственным силам; слишком многого ожидая от дневника, теряют веру в его ценность.

Одно меня радует, другое печалит, удивляет, беспокоит, сердит, расхолаживает. Что записывать, как записывать?

Не научили. Воспитатель вырос из дневника, который подросток прячет от папы под матрас, но не дорос до летописи, которой можно делиться с коллегой, обсуждать на собраниях и съездах. Может, его и учили записывать чужие лекции и чужие мысли — но не свои.

С какими трудностями и неожиданностями ты столкнулся, какие совершил ошибки, как исправлял их, какие терпел поражения, какие праздновал победы? Каждую неудачу стоит осознать — это поможет другим.

Куда уходят часы твоей жизни, на что ты тратишь запас молодой энергии? Если горел в твоей душе огонь, а с годами потух — не помог ли он что-то разглядеть, выковать?

Опыт — из чего он складывается?

Это уже не для науки, не ради других — ради тебя самого.

Ты ничего не сумеешь дать родине, обществу, будущему, если не трудишься над обогащением собственной души. Только берущий способен отдавать, только возвращающий свой внутренний мир способен помогать расти. В записях — семена, из которых произрастают лес и нива; из капель образуется родник. Вот чем кормлю я, пою, тешу, укрываю от зноя.

Записи дают возможность подвести итоги жизни. Это свидетельство того, что ты не промотал ее зря. Жизнь всегда высвобождает лишь часть сил, позволя-

ет достичь лишь доли того, о чем мечталось. Был молод — не знал, дожил до седины — знаешь, но сил уже не хватает. Записи — твоя защитная речь перед совестью: почему так мало, почему не так, как следовало...

Городская школа: первый класс

Запись. Ему нечем писать...

Комментарий. Как быть? Должен ли педагог иметь несколько запасных ручек и одалживать их ученикам? Кто именно часто забывает?

Записывать, сколько раз, но не преувеличивать: «Вечно ты забываешь».

Может быть, утром, перед первым уроком: «Кто что забыл?»

Запись (пятиминутное наблюдение под конец урока арифметики). Болек трет подбородок, тянет себя за ухо, вертит головой, смотрит в окно, ерзает на скамейке, скрещивает руки на груди, раскачивается, меряет ширину стола тетрадкой, потом рукой, листает тетрадку, свешивается со скамейки, замирает, машет рукой, поглаживает скамейку, трясет головой, смотрит в окно (идет снег), грызет ногти, подкладывает под себя руки, трогает ботинок, поправляет, обмахивается тетрадкой, сует руки в карманы, потягивается, нетерпеливо ерзает, потирает руки... «Можно я пойду к доске?»

Учитель: «Пишите!» Схватил ручку, помахал в воздухе, подул и с размаху окунул в чернильницу. Крутится на месте. «Ну пожалуйста, можно я?! Ой-ой-ой!» Хлопает себя по лбу, вскакивает.

Учитель задает сложить 332 и 332. Моментально решает пример — и оглядывается: «А ты сделал?» — и вполголоса: «Быс-с-стро, как ветер-р-р...» — щелкает языком и вздыхает...

Комментарий. Так ребенок защищается, так разряжает накапливающуюся и не находящую выхода энергию, так борется с собой, стараясь не нарушить ход занятий, так просит занять его чем-нибудь, проявляет досаду, набрасывается на орудие труда, так, наконец, в поэтическом сравнении, сам того не сознавая, выражает скрытую тоску — «как ветер-р-р».

Понаблюдай за мучениями подвижного, возбудимого ребенка — как разумно он ведет себя, чтобы, не вызывая неудовольствия учителя, дать выход своей энергии в полу- и четвертьдвижениях, сколько стараний прилагает, пока в конце концов не нарываешь на «Сиди спокойно!». И до чего же «повезло» апатичному, сонному ребенку!

Запись. «Тихо!» — сколько раз за урок?

Комментарий. Бывает по-разному: а) окрик учителя «Тихо!» излишен — тишину обеспечивает дисциплина (читай «кулак»); б) возгласы «Тихо!» звучат часто, без внутренней убежденности и эффекта не имеют; в) учитель позволяет шуметь — в ущерб учебе; г) учителю удастся договориться с детьми. Итак: полная тишина, относительная тишина...

Что нарушает тишину — вопрос, просьба, замечание, непрошенный ответ, смех, разговор с соседом? Когда и насколько ты это разрешаешь? По настроению? Насколько ты сам это осознаешь? А если осознаешь, следует помочь разобраться в этом детям.

Запись. Неуверенные ответы на простейшие вопросы, слишком краткие ответы.

Комментарий. Редко бывает, чтобы учитель хоть чем-то не дополнил даже правильный ответ ученика: «Побыстрее», «Помедленнее», «Громче», «Повтори», «Хорошо», «Продолжай»...

«Трое девочек...» — «Не трое, а три». Не всегда ученик понимает: он неправильно посчитал или непра-

вильно выразился? Ему кажется — ошибся, плохо ответил.

Невозможно ведь работать (тем более головой), когда кто-то стоит над душой и бубнит — мешает.

Бывает так. Учитель: «Так сколько же у него осталось фунтов?» Ученик: «Пять». Учитель: «Полным предложением». Ученик (гадая): «Шесть». Может, лучше дать ученику закончить, а потом уже поправлять?

Важный вопрос.

Запись. «Колдуний не бывает», — говорит учитель. Тихоня Збышек, подумав, шепчет себе под нос: «Нет, бывают колдуньи...»

Комментарий. Как часто авторитет семьи сталкивается с авторитетом школы! Иногда авторитет детей постарше перевешивает авторитет взрослых.

Запись. Насколько больше шумят дети на переменках после первого, второго, третьего урока — количество драк, ссор, жалоб? Насколько беспокойнее класс, если судить хотя бы по количеству замечаний — коллективных и индивидуальных?

Комментарий. Для ребенка просидеть четыре часа за неудобной, не по росту партой — такая же пытка, как ходить подолгу в неудобной, тесной обуви.

Запись. «Подождите, пока не пишите»; «Быстрее, поторопись, тебя все ждут».

Комментарий. «Быстрее», «не так быстро» — таким образом учитель пытается привести весь класс к общему знаменателю. Увы, ни «быстрее», ни «медленнее» не оправдывают себя, они сбивают с толку детей — повисают в воздухе.

Запись. Учитель: «Ну, сколько получается?» Ученик не знает. Класс подсказывает: «Сорок восемь». Учитель: «Ну так сколько же?» Ученик молчит.

Комментарий. Чрезвычайно любопытное явление. Зачем учитель требует уже бесполезного ответа и почему ученик — вполне логично — отказывается его дать? Кто из учеников не любит пользоваться подсказками?

Запись. Учитель: «Какая это книга?» (Он ждет от ученика прилагательных.) Ученик: «С картинками».

Реакция учителя?

Запись. Все уже рисуют, Адашь еще только готовится. Звонок: все закончили, он неохотно прерывает работу.

Запись. «Покажи свои рисунки». Смущенная улыбка — медлит, неохотно показывает.

Комментарий. Заметил ли учитель, как рисующий ребенок серьезнеет, как увлеченно старается и как мучительно падает духом?

«Почему ты так нарисовал?» — «Потому что это красиво, мне так придумалось».

Янинка нарисовала что-то вроде раскидистого кактуса — на каждой колючке сидит птичка. «Что это?» — «У нас (в интернате) одна девочка так нарисовала».

Запись. Тому, кто сидит возле двери на балкон, холодно (там дует).

Комментарий. Обстоятельство, рассеивающее внимание. Если в классе холодно, а дети легко одеты — один делается менее подвижным, замирает, другой пытается согреться, часто меняя позу («вертится»).

Запись. Что-то во рту ему мешает, все время проверяет языком, — наверно, качается зуб.

Комментарий. Фактор, рассеивающий внимание.

Запись. Сокровище детского кармана — пенал.

Комментарий. По настоянию учителя в школу перестали принести мячи, кукол, магниты, увеличительные стекла. Но пенал разрешен.

Содержимое пенала тоже рассеивает внимание. Однако неясно: ребенок не может сосредоточиться, потому что играет с пеналом, или, наоборот, он играет с пеналом, потому что внимание ослабело? И, отдохнув за этой игрой, удовлетворив потребность отвлечься от урока, скорее ли он вернется в рабочее состояние или останется по-прежнему невнимателен? А может, наоборот: не будь пенала, ребенок надолго бы погрузился в бездумную апатию?

Приготовительный и нулевой классы частного пансиона

Запись. Дежурная вытирает доску. Малгося нарочно (назло) пачкает ее мелом. Странно.

Комментарий. Порой нас поражает какое-то действие ребенка. Понятно, если б это сделал Икс, но Игрек-то с какой стати?..

В результате мы вдруг начинаем сомневаться в своей прежней оценке ребенка. В адресованном ему упреке прозвучит: «Ах вот ты как! А я-то думал... значит, ошибся... уж теперь-то я...» — и т. д.

Мы оскорблены и обижены: нас обманули. А ведь это, возможно, случайность: Игрек просто кому-то подражает — решил разок сказать или сделать то, что говорят и делают другие.

Малгося видела, как вчера или неделю назад кто-то изводил дежурную — кто-то, кто ей импонирует, на кого она хочет быть похожа.

Запись. «Девочки, не болтайте, пожалуйста».

Комментарий. Почему такие замечания в школе для «хороших детей» действуют? Наказание вежли-

вым замечанием, нетерпеливым жестом, удивленным взглядом, пожатием плеч... Наказание иронической репликой: не розгой хлестать по ягодцам, но словом задеть самолюбие. «Некрасиво, так не делают».

Резкое замечание — режет.

Быть может, я случайно нащупал важное. Где возвращается эта жуткая зависимость человека от чужого мнения, парализующий страх показаться смешным — вплоть до паранойи: что подумает официант, швейцар в гостинице?

Запись. Не выучил — надо ли его спрашивать?

Комментарий. Ребенок не выучил урок (немецкие слова). Вот бы сфотографировать его поведение! Тупой взгляд, поза, выражающая покорность, бледная улыбка, или злость, бунт в сведенных бровях, или же бормочет, привирая, безмолвно шевелит губами (выучил, но не помнит; выучил, вот сейчас скажет; сам не понимает, почему никак не получается). А учительница продолжает спрашивать. Наблюдать за этой пыткой мучительно.

Запись. Кроме детей опаздывающих стоит поговорить и о приходящих слишком рано — для школы это не меньшее неудобство.

Запись. Кто предпочитает сидеть за первой партой, кто — за последней?

Запись. «Олек, отдай ластик». Отдает, но кладет ластик не на парту, а приятелю на голову. Это же так скучно — просто положить ластик на стол.

Запись. «Снова не знаешь? Я столько раз повторяла. Тебе должно быть стыдно...»

Комментарий. Ну что поделаешь — не знает. Вместо упрека — задаться вопросом: почему?

А вот если бы врач — пациенту: «Стыдись — выпил целую бутылку лекарства, а по-прежнему кашляешь, пульс слабый, стула нет...»

Запись. Входит в класс Владзя, кладет книги — и начинается: подходит к доске, к картинкам на стене, к учительскому столу, снова к доске, к своей парте, к последней парте, повисает на руках в проходе, садится, размахивает ногами.

Входит Янка, подходит к окну — замирает, смотрит. Суета, передвигают парты. Она оборачивается — нетерпеливая морщинка на лбу, никакого участия; потом вдруг бросается к своей парте. (Надо сказать, некоторые ученики привязываются к своему месту, словно узник к камере.)

Запись. Стася: восьмиминутное наблюдение. 1) Побежала к чужой парте. 2) Встала на коленки на свою скамью. 3) Снова к другой парте (шепчется с кем-то). 4) На свое место. 5) Разговаривает с соседкой, та выходит из-за парты, Стася садится на ее место. 6) У учительского стола. 7) Возвращается, в проходе повисает на руках, сильно нагибается. 8) Навалившись на парту, вполголоса разговаривает с двумя одноклассниками. 9) Смех, разговор с пятью одноклассниками. 10) Бегом к четвертой парте с какой-то новостью. 11) Возвращается на место. 12) Возвращается, заглядывает в книжку соседки.

Запись. «Вы не хотите думать, вы невнимательны» (с беспомощным, безнадежным отчаянием).

Комментарий. В этой клетке вместе с детьми заперта и учительница: она принуждает не только их, но и себя, мучая их, мучается сама. Быть может, раньше она пробовала, искала. Если нет — значит не знала, не умела, так сложились обстоятельства. Возможно, ошиблась в выборе профессии. Кто виноват?

Запись. Владзя поднимает руку (мелькает мысль — не записывать, ведь это нарушает мою прежнюю концепцию).

Комментарий. Неохотно записал, что Владзя — легкомысленная, вертушка — хочет ответить. Почему? А вот как раз потому, что я недооцениваю ее как ученицу, а поднятая рука противоречит моему образу, — хотя мне бы обрадоваться этому факту и старательно занести в тетрадку.

Владзя, какой мне удобно ее видеть, должна не поднимать руку, а радоваться, что ее не трогают, не вызывают к доске. В том-то и заключается мое преступление, что я хочу, чтобы она была такой, какой показалась мне сперва. В то время как я обязан узнавать ее такой, какая она есть на самом деле, обязан стремиться заметить как можно больше, проанализировать ее как можно всестороннее. Но я ленив, я хочу, чтобы разобраться во Владзе было просто: прилепил этикетку — и готово. Поднятая рука — факт новый, требующий пересмотра прежних наблюдений, новых мыслительных усилий, более глубокого анализа.

Я нетерпелив — спешу. «Разобравшись» в ней (простой случай), я поспешно перехожу к другим детям, более сложным. Наскоро отделяюсь от пациента поверхностным диагнозом — другие ведь ждут.

Я самолюбив — защищаю свой диагноз, может, именно потому, что поставлен он абы как, сляпан халтурно; я не уверен, и меня охватывает опасение, как бы новые факты не повредили моим походя навешанным ярлыкам, на которые я столь щедр.

Мне неприятно признать, что я полуграмотен, еле-еле — долго, усердно — разбираю буквы симптомов, прежде чем кое-как, сбивчиво, сумею прочитать целое. Сидит во мне чванливый раздутый авторитет, который «этого сопляка» распознаёт с лету, видит насквозь. Живет во мне развращенный халтурщик, чье понимание подлинного долга познания извращено работой

в школе. Эта поднятая рука маленькой Владзи — протест живого существа, не позволяющего отделаться от него походя, не соглашающегося носить ярлык, этикетку. Она твердит: «Ты не знаешь меня!»

Что же я знаю о Владзе? Что она непоседлива? Учительница бросила мимоходом: «Лентяйка» — мне понравилось, и я подхватил.

А может, Владзя — не лентяйка. Возможно, следует отказаться от поверхностного диагноза, признать свою ошибку — и получить в награду несколько самокритичных замечаний. Чуткая Владзя, быть может, способна живо на это отреагировать, — быть может, она борется с предубеждением учительницы. Эта поднятая рука может означать: «А вот и знаю, а вот и не такая я, какой вы меня считаете» или же «Когда мне действительно что-то интересно, я учу и хочу отвечать».

Ну а может, она и вправду «лентяйка» — сегодня утром приняла решение исправиться, начать новую жизнь? Может, это результат разговора с матерью, с подругой? Помочь ли Владзе в ее усилиях или просто запомнить и подождать, что будет дальше — завтра, через неделю?

Да, это не замурзанная ручка приготовишки, а вопрос, на который у меня нет ответа.

Запись. Беседа: мышь и т. д. (тут же — крыса, пчела и пр.).

Комментарий. Не существует книги, в которой излагалась бы техника ведения с детьми беседы, разговора (не болтовни).

Мы, быть может, потому не умеем, что нам это кажется совсем простым.

Я храню в памяти чудесные разговоры в летних лагерях, вечерние — в интернате: все через это проходили, каждый воспитатель это знает. Возможно ли подобное в школе?

Мышь; принесли кота, чтобы ловил; рассказ о противостоянии собаки и кошки; крыса на тетиной подушке; однажды в рыбе обнаружили мышшь; крысы плавают; в ванне плавали рыбки; бывают золотые рыбки; когда плывешь на корабле, можно увидеть рыб; бывают ядовитые цветы; папу укусила пчела; у бабушки есть улы.

Тема: хотяг говорить несколько человек, все разом. Один рассказывает мне, другой начинает рассказывать соседу — класс распадается на группы. Начинается гомон, словно дали команду «Вольно!» — и пропало дело. А до звонка еще десять минут. Как быть?

Если установить порядок (пускай говорят по очереди), они начинают стесняться: не привыкли, вроде бы нечего сказать.

Как сохранить интереснейший, но совершенно не исследованный язык детского рассказа?

Пример (не из школы — из детского сада) — рассказ пятилетнего Мариуша.

— Где ты видел яблоки?

— Яблоки... я видел яблоки... такие маленькие... деревья большие такие... можно лежать и качаться... там был такой пес... а одно яблоко как упадет... а он лежит, спит... мама идет... я хотел сам пойти... а там еще стул... там пес... ну какой-то пес... как укусит... о-о-острые зубы у него... так он когда спал, тот его укусил... надо пса отлупить за то, что укусил... там тетя... у него такие зубы... я забыл, как его зовут... а, Фокс... укусил и кр-р-ровь... он кость грыз... Фокс, пошел, пошел вон... а он как посмотрит да как укусит... кость бросил и укусил... я кинул этому пёсу яблоко... а тот, когда с дерева сорвал яблоко и бросил далеко... такое твердое яблоко... сладкое, прямо как не знаю что... он только понюхал... а потом пришел солдат... бабах в песика... бабах... такой красивый... красивый... красивый...

Я записал сколько сумел, не прибегая к стенографии.

Сравните «о-о-острые», «кр-р-ровь» Мариуша с «ветер-р-р» Болека.

Хелька

Место наблюдения — детский сад. Большая комната, в углу — рояль. Вдоль стен — плетеные креслица и столики. Посреди комнаты — шесть столиков, вокруг каждого — по четыре креслица. Возле двери — шкаф с игрушками и пособиями Монтессори. Дети: Хелька — три с половиной года, Юрек и Крыся — тоже трехлетние, Ханя — пять лет, Нини — шесть лет. Период наблюдения — два дня по два-три часа.

Хелька самолюбива, привыкла к восторгам окружающих, кокетливо демонстрирует ум и обаяние; они со старшим братом — очаровательная пара здоровых, живых детей, притягивающих взгляды и сердца.

С Юреком я познакомился раньше, в домашних условиях; может, это пока еще и не законченный тиран, но все же я невольно воспринимаю его предубежденно, на основании собственного впечатления-диагноза; репутация у него уже подмочена — замахнулся на мать кнутом, скандалил, петушился.

Крыся — тут мешает медицина. У таких детей мне не нравится корь и коклюш. Есть в них что-то мечтательное, меланхолическое, какие-то печальные предчувствия; они изящны, серьезны, сосредоточенны и вызывают тревожную нежность и уважение. Обычно я прописываю таким рыбий жир и целую ручку.

Ханя — как ее описать? Сообразительна, немало повидала, ее на кривой козе не объедешь, та еще штучка. Знает, что и до какой степени дозволено. Я бы сказал, что она лишена обаяния, но, пожалуй, это неуместно: вырастет, скорее всего, толковым человеком.

Нини охарактеризовать трудно. Я замечаю в ней склонность к детской конспирации, которая вызывает настороженность. Она предпочитает проводить время со своим братом-ровесником и с детьми помладше.

Наблюдения я начал без программы, без плана, экспромтом — вот так: чем малыши заняты?

Первая моя запись — карандашом:

Хелька (глядя на картинку):

— У нее (у собаки) красный язык. Почему?

Нини:

— Потому что это собачка.

— А у собачек бывает красный язык? Иногда?

(Рассказ Хельки о собаке, которая лаяла, хотя «мы ее не трогали».)

Крыся играет в мяч.

Нини:

— О, Крыся тоже играет. Одной рукой.

Что ребенок, глядя на картинку, станет рассматривать по отдельности хвост, уши, язык и зубы — детали, на которые взрослый не обратит внимания, — я могу понять. Мы не воспринимаем это всерьез, картинки ведь детские, — но, приходя в музей, поступаем точно так же. Удивляясь наблюдательности детей, мы, по сути, недооцениваем их, удивляемся тому, что они — люди, а не куклы.

На мой взгляд, вопрос Хельки, почему у собачек красный язык, означал, что она готова разговаривать с Нини о чем угодно: на иерархической лестнице та стоит выше нее (трехлетняя Хелька — и запросто разговаривает — болтает — с шестилетней девочкой). Ключом для меня явилось слово «иногда», которое здесь ни к селу ни к городу. Так, бывает, человек простой в разговоре с кем-то более образованным вставляет ученое слово — просто чтобы показать, что он тоже не лыком шит.

Корчак Я.

К 70 Несерьезная педагогика / Януш Корчак ; пер. с польск. И. Адельгейм. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 544 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-24906-6

«Моя жизнь была трудной, но интересной. Именно о такой я просил Бога в молодости» — эти слова Януш Корчак записал в своем дневнике в 1942 году, находясь в Варшавском гетто. В том же году знаменитый детский писатель, врач и педагог, основатель легендарного Дома сирот, вместе со своими воспитанниками (около 200 детей) погибнет в концентрационном лагере в Трешлинке. В 1942 году Янушу Корчаку исполнилось шестьдесят четыре года; он был широко известен своими оригинальными взглядами на принципы воспитания ребенка, которые активно и весьма успешно воплощал в жизнь. В основе его педагогической системы лежала весьма простая мысль: ребенок — полноценный человек, имеющий право на свои собственные взгляды и на свое отношение к окружающему миру.

В настоящее издание вошли две известные работы Януша Корчака — «Несерьезная педагогика» и «Моменты воспитания», а также разнообразная педагогическая публицистика, в которой читатели найдут как ценные практические рекомендации, так и увлекательные рассказы и размышления о проблемах и радостях, связанных с взрослением и самоопределением человека.

УДК 37.015.3
ББК 74.00

ЯНУШ КОРЧАК
НЕСЕРЬЕЗНАЯ ПЕДАГОГИКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.01.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская набережная, д. 12, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит.,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.aoampk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-NFA-33891-01-R